

КАЗАЧЬЯ ЛАВА.

(По поводу „Наставленія для дѣйствій казачьихъ частей лавою“).

(Окончаніе) ¹⁾.

Нослѣ паденія Западной Римской имперіи, когда на историческую сцену явились новые варварскіе народы, въ ихъ арміяхъ начинается особый видъ тяжелой кавалеріи. Продолжая совершенствоваться, эта конница вылилась въ окончательной формѣ въ видѣ рыцарской кавалеріи, гдѣ всадники были прикрыты тяжелыми панцырями и шлемами и сидѣли на громадныхъ коняхъ, тоже покрытыхъ предохранительнымъ вооруженіемъ. Главную силу своихъ боевыхъ дѣйствій эта кавалерія видѣла въ стремительномъ натискѣ на врага плотнымъ фронтомъ, дабы опрокинуть его напоромъ своихъ коней, такъ называемымъ шокомъ. Теперешняя регулярная кавалерія есть прямой потомокъ этой рыцарской конницы, конечно, значительно видоизмѣненный и уклонившійся отъ своего первообраза, сообразно современному состоянію военнаго искусства.

Что имѣетъ регулярная кавалерія для подготовки своей атаки? Ничего или почти ничего.

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 3.

Регулярная кавалерія, *взятая одна, безъ конной артилеріи*, вовсе не имѣеть въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ подготовительнаго періода, а лишь только окончательный т. е. атаку. Въ современномъ бою ей приходится или бросаться въ атаку, очертя голову, или ждать удобной минуты для этой атаки. Совершенно иное мы видѣли въ дѣйствіяхъ монголо-татарской конницы, сумѣвшей создать этотъ подготовительный періодъ боя. Поэтому казачья лава, какъ наслѣдіе тактики монголо-татаръ, должна имѣть этотъ подготовительный періодъ боя, представляющій громадное ея преимущество передъ тактикой регулярной кавалеріи.

Изъ этого небольшого изслѣдованія съ полною очевидностью выясняется, что лава есть не что иное, какъ особая тактика, къ которой должны прибѣгать казаки для пораженія регулярной кавалеріи въ томъ случаѣ, когда они не могутъ одолѣть ее однимъ ударомъ въ сомкнутомъ строю. Обращая вниманіе на сущность этой тактики, невольно бросается въ глаза аналогія ея съ образомъ дѣйствій пѣхоты въ современномъ бою. И тамъ, и здѣсь примѣняется глубокой боевой порядокомъ въ нѣсколько линій, и тамъ, и здѣсь часть людей выдѣляется для подготовки атаки, и тамъ, и здѣсь въ удобную минуту, когда непріятель достаточно разстроены, атакуютъ врага холоднымъ оружіемъ; частности дѣла, конечно, различны, но основные принципы боевыхъ дѣйствій тождественны.

Выяснивъ сущность казачьей лавы, какъ незамѣнимаго средства для сокрушенія непріятельской регулярной кавалеріи, надо обратиться къ нынѣ дѣйствующему Наставленію и разсмотрѣть, какое значеніе придано тамъ казачьей лавѣ и какой взглядъ на нее установленъ?

Въ § 1-мъ упомянутаго Наставленія дѣйствительно выражена, хотя и довольно слабо, мысль о томъ, что лава есть особая казачья тактика, дающая возможность сначала ослабить противника одиночными дѣйствіями, а потомъ дружнымъ ударомъ совершенно съ нимъ покончить.

Однако вслѣдъ за симъ въ § 4 устанавливается, что дѣйствія лавами могутъ быть примѣняемы въ бою, по преимуществу, въ слѣдующихъ случаяхъ:

- 1) для производства усиленной развѣдки;
- 2) для воспрепятствованія развѣдкамъ непріятеля;
- 3) какъ завѣса для прикрытія маневрированія;

4) для отвлеченія противника отъ направленія, избраннаго для атаки, и, вообще, для вызова его на ошибочныя дѣйствія, заманиванія подъ внезапные удары скрытыхъ своихъ силъ и

5) для преслѣдованія отступающаго противника.

Эти боевыя задачи представляютъ изъ себя не существо, а лишь частности дѣла, и почти всѣ онѣ могутъ быть выполнены разомкнутымъ строемъ регулярной кавалеріи съ такимъ-же успѣхомъ, какъ и лавою. Уже это одно указываетъ на невѣрность постановки всего вопроса о дѣйствіяхъ казачьихъ частей лавами.

Дѣйствительно, назначеніе лавы, какъ видно изъ предыдущаго историческаго изслѣдованія, такое-же, какъ и сомкнутаго строя регулярной кавалеріи, а именно атаковать и разбить непріятеля, и разница между ними состоитъ лишь въ средствахъ достиженія этой цѣли: изъ сомкнутаго строя ударъ наносится сразу, безъ подготовки, а изъ лавы этотъ ударъ наносится послѣ предварительной подготовки.

Указанная неправильность цѣли дѣйствій лавою по существующему нынѣ Наставленію дѣлаетъ его мало пригоднымъ для обученія казачьихъ частей и служить тормозомъ для проведенія здравыхъ понятій на этотъ счетъ въ казачью среду. Между тѣмъ, ясность постановки вопроса объ окончательной цѣли дѣйствій лавою имѣетъ совершенно исключительное значеніе, такъ какъ по самому характеру этихъ дѣйствій внутренній смыслъ ихъ долженъ понимать не только каждый офицеръ, но и каждый простой казакъ. Это необходимо тѣмъ болѣе, что дѣйствія лавою очень плохо поддаются регламентации и что поэтому каждый казакъ долженъ, даже безъ команды или сигнала, понимать самостоятельно, какъ и что онъ долженъ дѣлать въ теченіи всего боя.

Остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу подготовительнаго періода въ дѣйствіяхъ лавою и въ особенности по поводу значенія огня, въ отношеніи чего нынѣ существующее Наставленіе грѣшитъ особенно сильно.

Подготовительный періодъ въ дѣйствіяхъ лавою слагается изъ двухъ элементовъ: изъ маневрированія и огня.

Маневрированіе лавою, имѣющее цѣлью измучить, разстроить и извести своего противника, несмотря на наивную простоту своихъ пріемовъ, весьма часто достигаетъ цѣли въ условіяхъ боевой обстановки. Угроза охватомъ фланга, ложная атака, обращеніе въ притворное бѣгство весьма часто заставляютъ противника прини-

мать тѣ или другія мѣры противодѣйствія, ведущія въ концѣ концовъ къ его утомленію. Можно себѣ представить, насколько подобнаго рода маневры легкой монгольской конницы были дѣйствительны противъ закованныхъ въ желѣзо рыцарей, сидѣвшихъ на громадныхъ коняхъ, тоже покрытыхъ броней!

Обращая вниманіе на теперешнія условія дѣйствій лавою противъ регулярной кавалеріи, легко видѣть, что значеніе маневрированія лавою, какъ подготовки атаки съ цѣлью извести и замучить своего противника, сильно уменьшилось сравнительно съ прошлымъ, *такъ какъ разница въ степени подвижности между казачьей конницей и регулярной кавалеріей почти исчезла*, или-же измѣнилась даже къ невыгодѣ казаковъ.

При такихъ условіяхъ маневрированіе лавою, особенно противъ опытнаго и хладнокровнаго непріятеля, можетъ привести къ совершенно неожиданнымъ результатамъ, а именно къ утомленію самихъ казаковъ. Изъ этого видно, что маневрированіе, какъ подготовка атаки лавою, хотя и имѣетъ большое боевое значеніе, но важную роль можетъ играть далеко не всегда, особенно противъ непріятеля, ознакомленнаго съ характеромъ дѣйствій въ лавѣ.

Однако, если значеніе маневрированія, какъ одного изъ элементовъ подготовительныхъ дѣйствій въ лавѣ, уменьшилось по сравненію съ прошлымъ, зато значеніе другого элемента, а именно огня, возрасло въ несравненно большей степени. Дѣйствительно, значеніе метательнаго оружія,—луковъ и стрѣлъ, въ боевыхъ дѣйствіяхъ монгольской конницы было громадно. Всѣ историческія свидѣтельства единогласно говорятъ, что монголы, а послѣ того татары, пускали въ дѣло метательное оружіе чрезвычайно охотно и притомъ съ большимъ искусствомъ.

Авторъ капитальнѣйшаго труда «Исторія конницы» г. Марковъ по этому поводу, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Метательное оружіе—луки и стрѣлы, были любимѣйшимъ оружіемъ мусульманъ, особенно монголовъ, и въ то время, какъ европейцы шли въ бой обыкновенно почти безъ всякой подготовки, мусульмане старались развить подготовительный бой посредствомъ метательнаго оружія до возможной степени и *нерѣдко однимъ стрѣлами рѣшали дѣло*».

Если таково было значеніе метательнаго оружія въ дѣйствіяхъ конницы Чингисъ-Хана и Тамерлана, то чего можно ожидать отъ

огневой подготовки атаки из лавы при теперешнемъ вооруженіи казаковъ 3-хъ-линейными винтовками, изъ коихъ прямой выстрѣлъ доходитъ до 700—800 шаговъ? Для увеличенія дѣйствительности огня казаки могутъ на такихъ разстояніяхъ слѣзать съ коней, держа ихъ въ поводу, и стрѣлять стоя, съ колѣна или даже лежа, какъ кому удобнѣе.

Къ этому надо добавить, что казаки могутъ пользоваться *пулеметами*, огонь которыхъ изъ лавы по сомкнутымъ кавалерійскимъ частямъ долженъ быть особенно дѣйствительнымъ.

Обращаясь къ существующему нынѣ Наставленію для дѣйствія лавами, легко видѣть, что въ немъ значеніе маневренной стороны развито въ ущербъ огню, которымъ разрѣшается пользоваться только лучшимъ наѣздникамъ (?) и стрѣлкамъ (§ 35), ибо, какъ сказано въ этомъ параграфѣ «неумѣлое наѣздничество (?) только ободритъ противника». Что это должно значить? Неужели огонь изъ лавы и наѣздничество одно и тоже?

Такое низведеніе значенія огня до степени наѣздничества со стрѣльбой не только лишаетъ казачью лаву трехъ четвертей ея боевого значенія, но и поселяетъ совершенно неправильный взглядъ на самое существо ея, какъ превосходной исторически испытанной казачьей тактики.

По этому поводу могутъ возразить, что рекомендуемый мною огонь изъ лавы будетъ представлять изъ себя подготовку атаки по пѣхотному. Да, я говорилъ раньше и настаиваю именно на томъ, что огонь изъ лавы можетъ имѣть и долженъ имѣть то же значеніе, какъ и изъ пѣхотной цѣпи, а именно, средства ослабить непріятеля. Онъ будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что цѣли для него крупнѣе и что казаки сами будутъ мало подвергаться огню противника, имѣя передъ собой только регулярную кавалерію.

У насъ всякій кавалерійскій и казачій офицеръ, воспитанный на кавалерійскихъ традиціяхъ, боятся слова «пѣхотный», что, конечно, совершенно справедливо въ примѣненіи собственно къ кавалерійскому дѣлу. Что же касается казаковъ и ихъ тактики *лавы*, столь противоположной по своимъ принципамъ тактикѣ регулярной кавалеріи, то этотъ шаблонный взглядъ не только совершенно не вѣренъ, но и вреденъ, такъ какъ онъ мѣшаетъ правильному пониманію дѣйствій казачьей лавы.

Извращене понятія о лавѣ, какъ тактикѣ, и объ огнѣ, какъ дѣйствительномъ средствѣ подготовки атаки, тотчасъ же отразилось на маневрахъ, гдѣ регулярная кавалерія весьма часто не обращаетъ никакого вниманія на дѣйствія казаковъ лавою и, по моему мнѣнью, очень хорошо дѣлаетъ. Если по существующему Наставленію всѣ дѣйствія лавою состоятъ въ наѣздничествѣ со стрѣльбой и въ различнаго рода маневрированіи съ цѣлью вызвать противника на ошибки, то зачѣмъ регулярная кавалерія будетъ обращать на нихъ вниманіе?

Казаки могутъ гарцовать въ лавѣ передъ фронтомъ и даже передъ флангомъ сомкнутаго строя регулярной кавалеріи сколько имъ угодно, а она будетъ спокойно оставаться на мѣстѣ или дѣлать то, что ей нужно, разъ она *понимаетъ* дѣйствія казаковъ. Очевидно, что въ дѣйствіяхъ лавою по существующему Наставленію чего-то недостаетъ, ибо регулярную кавалерію надо *заставитъ* предпринять что-нибудь противъ лавы, иначе всѣ ея дѣйствія приведутъ къ одному только результату, а именно, къ утомленію самихъ казаковъ. Недостаетъ подобной лавѣ того, о чемъ я говорилъ раньше, а именно дѣйствія огнемъ. Если казачья лава, подойдя къ регулярной кавалеріи на 700—800 шаговъ, откроетъ сильный огонь особенно изъ пулеметовъ, то этимъ она неминуемо *заставитъ* ее предпринять что-нибудь, такъ какъ оставаться пассивнымъ при такихъ условіяхъ нельзя не только въ дѣйствительномъ бою, но и на маневрахъ, гдѣ любой посредникъ порекомендуетъ кавалеріи принять противъ лавы какія-либо мѣры. Какъ только казачья лава заставитъ непріятеля дѣлать не то, что онъ хочетъ, а то, что хотятъ казаки, т. е. заставитъ его прибѣгнуть къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ, казаки могутъ пустить въ ходъ всѣ тѣ маневренные приемы, которые рекомендованы Наставленіемъ, не переставая, однако, поражать непріятеля огнемъ. При такого рода дѣйствіяхъ казачья лава дѣйствительно можетъ подготовить атаку и въ удобную минуту атаковать непріятеля самостоятельно, или же съ помощью расположенныхъ сзади сомкнутыхъ частей регулярной кавалеріи. Какъ только казаки выучатся побуждать регулярную кавалерію непріятеля указаннымъ путемъ, такъ всѣ остальные частные случаи употребленія лавы, приведенные въ Наставленіи, окажутся для нихъ легкими и удобоисполнимыми, такъ какъ казаки въ лавѣ почувствуютъ себя не только сильными, но и неуязвимыми для сомкнутыхъ атакъ регулярной кавалеріи.

Изъ сказаннаго легко видѣть, какъ сильно существующее Навставленіе исказило смыслъ казачьей лавы и какъ *оно обратило ее въ пустое напѣздничество со стрѣльбой.*

Къ этому я считаю необходимымъ добавить, что огромное значеніе казачьей лавы въ той постановкѣ, которая придана ей моими статьями и брошюрой въ 1893 году, понято за границей гораздо лучше, чѣмъ у насъ. Такъ, извѣстный германскій писатель Фонъ-Дрыгальскій въ 1894 году въ «*Neue militärische Blätter*» ¹⁾ не только признаетъ возможность борьбы казачьей лавы съ регулярной кавалеріей, но прямо говоритъ о полномъ безсиліи послѣдней передъ этой новой формой казачьей атаки. Мало того, онъ дѣлаетъ въ этой статьѣ весьма пессимистическія предсказанія по поводу будущихъ столкновеній казачьей лавы съ прусскою регулярной кавалеріей, которая, по его мнѣнію, *можетъ быть уничтожена однимъ отемъ еще до серьезнаго столкновенія съ нашей кавалеріей.* Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ военнымъ авторитетамъ Германіи, прося указать хоть какія нибудь средства противъ казачьей лавы.

Въ австро-венгерской и англо-индійской военныхъ литературахъ тогда также появились статьи по поводу казачьей лавы, въ коихъ, какъ и въ статьѣ Фонъ-Дрыгальскаго, слышалась большая тревога ²⁾.

Полковникъ Невиль въ указанной въ примѣчаніи статьѣ, предлагая мѣры для противодѣйствія лавѣ, съ особенной энергіей рекомендуетъ придать кавалеріи индійской арміи картечницы и усилить составъ конной артилеріи при кавалерійскихъ дивизіяхъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго сожалѣнія надо признаться, что у насъ къ этому важному вопросу отнеслись крайне индифферентно, ограничившись изданіемъ, по моему мнѣнію, совершенно неудо-

¹⁾ Neue militärische Blätter. Январь и февраль 1894 г. «*Meinungsverchiedenheiten und Versuche bei der russischen Kavallerie*».

²⁾ «Die Lava der Kosaken». Hauptman Mladenowitch. Streffleurs Oesterreichische militärische Zeitschrift 1893 г. Октябрь.

«Cossack Swarms» полковника Невилля. Journal of the United Service Institution of India 1894 г. Мартъ.

влетворительнаго Наставленія для дѣйствій казачьихъ частей лавами. Между тѣмъ этотъ вопросъ имѣеть для нашей арміи перво-степенное значеніе, такъ какъ двѣ трети нашей конницы составляютъ казаки, силы которыхъ будутъ удвоены, какъ скоро они усвоятъ себѣ исконно казачью тактику, завѣщанную имъ исторіей

В. Миткевичъ.

